

Спецпосёлок на Нуре

Всё дальше в прошлое уходят серые годы сталинского беспредела. С ним в глубину времён уже ушли практически все палачи, жертвы террора и насильственного переселения целых народов и групп населения. Одним из районов, пригодных для перевоспитания «кулаков» в тридцатые годы прошлого века стало Белоречье. Внимательный читатель нашей газеты даже по публикациям последних 20 лет мог усвоить печальную географию «кулацких» спецпосёлков – Кузьелга, Нура, Средняя Тюльма, Капкалка, Ермотаево. Одно из таких поселений – спецпосёлок на Нуре, неподалеку от нынешнего цеха № 16, было и в Белоречке.

С фотографиями той поры в нашу редакцию пришла белоречанка Л. Г. Репина. Родиться и первую половину жизни ей пришлось провести именно в Белоречском спецпосёлке.

– Моего деда Григория Андреевича Сокова с первой партией спецпереселенцев прислали в Белоречк в 1931 году, – рассказывает Лидия Гавриловна. – Семья мамы жила в Калтасинском районе. Когда организовали колхоз, дед отказался его возглавить. Думаю, поэтому за ним пришли, арестовали и отправили в бирскую тюрьму, а оттуда выслали потом в Белоречк. Где жить переселенцам? А на поляне вдоль речки Нура! Деду в то время было 40 лет, вслед за ним сослали и старшего брата. Год жили без семей, пока построились. Осенью 1932 года к деду в Белоречк приехала жена с дочкой – мои бабушка и мама.

Как рассказывала мама, в спецпосёлке было построено 22 барака, разделённых на двухкомнатные квартиры: стены из досок со шлаковой засыпкой, крыши под толем, в каждой комнате печка-буржуйка. Отдельно были бараки для бани, больницы. При больнице и детский сад располагался. Со временем построили школу–семилетку, клуб, магазин. Основной строительный материал – саман. Население к началу войны было около 500 человек. Спецпосёлок был ограждён колючей проволокой и охранялся часовыми: даже лебеду разрешалось рвать только на территории посёлка.

На паёк выдавали всего пять килограммов муки в месяц. Но все мужчины были энергичные, опытные – организовали сельскохозяйственную артель, конный двор, разводили скотину, домашнюю птицу. Жили дружно, помогали друг другу и в строительстве, и в хозяйственных делах. Все поля вокруг посёлка в сторону Ломовки были засеяны рожью, овсом. Были и участки под картошку. Потом двух маминых братьев отправили на войну. Один вернулся, а второй – нет. У Григория Андреевича Сокова еще были сыновья Александр, Василий и Михаил.

– **Спецпосёлок... Это значит, у вас был практически тюремный режим?**

– Вышек с часовыми, по словам мамы, не было, но чтобы выйти в городскую аптеку или в Ломовку, нужен был пропуск от коменданта. В первые годы от голода и болезней многие умерли. Хоронили в общих могилах на старом кладбище (Октябрьский поселок). К сожалению, от тех захоронений сегодня не осталось и следа.

– **А в Ломовку зачем ходили?**

– У нас болела бабушка, и мама ходила туда менять вещи на крупу. Бабушка умерла в 1933 году. Дед Григорий Андреевич работал потом на заводе бухгалтером. Он умер в 1947 году, ему было 72 года.

В спецпоселке и мы выросли. Там моя мама в 1938 году вышла замуж за такого же репрессированного, мы с сестрой родились в 1946 и 1948 годах.

Девчонками мы ходили купаться и видели остатки ограждения поселка – заросшую в траву колючую проволоку. Только в 1947 году спецпоселенцам дали гражданство и разрешили строиться за пределами поселка. Часть из них уехала с артелью в Сосновку, другие начали строиться возле теперешнего ЖБИ в Октябрьском поселке. Война кончилась, но жизнь легче не стала. Помню, 1954-55 годы тоже были трудными, за хлебом по два-три дня стояли: привезут, бывало и говорят, что больше посёлку в этот день хлеба не будет. Идём домой, делим остатки на половинки и четвертинки. В спецпосёлке и я замуж вышла в 1967 году. Муж тоже из переселенцев, но жил в Кузьелге. Разница была лишь в том, что у нас бараки из самана, а у них – деревянные. До 1975 года мы с ним восемь лет жили у моих родителей.

–Кто на этих фотографиях?

– На первом снимке – персонал больницы: вот Александра Ивановна Сошникова, а это Александра Егоровна Шарыгина, бабушка и дедушка Ртищевы, а вот Починок, Высотина. Мама работала там медсестрой. Персонал больницы, кроме врачей, состоял из спецпереселенцев. Вот врач, Оскар Соломонович Шпах, он ездил в спецпоселок на работу из Нижнего селения – значит, был вольным. А на этом снимке мы, дети репрессированных: Сошниковы, Загитовы, Сазонова, Черевушко, я с сестрой, Батретдинова, Кадочникова. Потом все выучились, стали инженерами, врачами. А больницу, где мама работала, со временем из барачков переселили в купеческий дом, в котором сейчас управление ветеринарной службы. Сейчас у меня два внука и две внучки. Я рассказываю им, в какие времена довелось жить их прадедушкам и прабабушкам. Напечатайте фотографии в газете, может, на них кто-то узнает себя и откликнется.

Источник:

Репина, Л. Г. Спецпоселок на Нуре [Текст] / Л. Г. Репина; [беседу вел Л. Швец] // Белорецкий рабочий. – 2016. – 29 октября. – С. 2.